

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Издательство выражает благодарность
фотографу Дарье Даниловой
за предоставленное фото автора.

Сумарокова, Дарья.
С89 Книга главных воспоминаний / Дарья Сумарокова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-112800-5

Три совершенно разные судьбы, прошедшие через Октябрьскую революцию, репрессии Сталина, Гражданскую войну в Испании, Великую Отечественную и закат коммунизма. Три женщины, столкнувшиеся на одно мгновение и изменившие жизни друг друга. Сквозь десятилетия отчетливо видно, как догматические принципы ломают человеческие души, а смелость быть собой преодолевает все преграды. Одна жизнь наполнена счастьем от рождения до самой смерти, другая — остается пустой, несмотря на высокий полет. Может, если выслушать эти истории, то приблизишься к самому себе?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112800-5

© Текст. Дарья Сумарокова, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ» 2019

She says she has no time for you now...
Анастасия Зорина, «Голос-2017»

Холодный ветер — эта погода, ниспосланная на землю сатаной; что может быть хуже для живого человека, чем пронизывающие потоки, от которых не спрятаться? Морозная ночь, метель танцует темный танец по заледенелому берегу Ладожского озера; минус двенадцать, хоть и весна; март одна тысяча девятьсот сорок второго года. Человек двадцать сбилось в кучку около полуторки; машина едва жива, она такая же, как и люди, стоящие рядом. Все ждут, когда шофер и молоденький солдатик выгрузят мешки с мукой; сейчас бы наброситься, разорвать мешок, наестся этой муки прямо тут, да только нет сил. Нет сил пройти хотя бы несколько шагов, а ведь скоро придется забираться в кузов. Вдруг пассажирам повезет и машина доедет до того берега? Может быть, они все-таки останутся живы?

Несколько девушек, больше похожих на подростков; одна из них совсем ребенок, на безжизненном лице большие карие глаза. Она стоит чуть поодаль от остальных пассажиров, поверх ее изодранного зимнего пальто намотан яркий платок; блестящая зелень и темный вишневый причудливо переплелись

в непривычном орнаменте. Такой платок не к месту теперь, он красивый и слишком тонкий; сейчас бы лучше серый пуховый из бабушкиного шкафа. Рядом двое пожилых мужчин, чуть дальше десяток мальчишек, одетых в солдатские бушлаты; рукава почти волочатся по земле. Последняя группа — высокая женщина и двое детей; шофер пронесил мимо нее мешки и случайно толкнул краем ноши. Женщина удержалась, из-под старой мужской шапки выбилась прядь густых черных волос. Надо же — красивая, подумал водитель, и тут же пронеслась мысль: как странно думать об этом теперь, когда не знаешь, доживешь ли до утра; и вообще, когда закончится эта беспощадная война, никто не знает.

Ветер, ветер гуляет по безжизненному, промерзшему на сто лет вперед пространству.

Загружались медленно, солдатик ругался: светлеет же скоро, что копошимся?

Он стоял в кузове грузовика и затаскивал чуть живых пассажиров наверх; люди валились прямо на деревянные доски, потом подползали к бортикам и старались сесть друг к другу как можно теснее. Так безопаснее — ни крыши, ни боковых дверей в кабине шофера; если что, есть шанс выпрыгнуть, а также есть вероятность не замерзнуть окончательно по пути. Ветер проникает всюду и не жалеет измученных голодом людей.

Уже тронулись, последние в колонне; тут солдатик заметил одного из мальчишек — тот сидел

за деревом в метре от берега; солдатик спрыгнул с машины — да только зря, ребенок умер. В дороге наверняка еще кто-нибудь помрет, так что нечего тратить время.

Ехали долго; колея размыта и снова прихвачена ночным морозом, тонкая наледь на поверхности громко трещит; через сто метров впереди такая же полоторка; ее еле видно, и слава богу — значит, пока еще едет. Солдатик периодически вглядывается в темноту ночного неба и прислушивается к любому постороннему звуку. На обочинах через каждый километр — пункт обогрева, кипяток и девушка в теплой военной шинели. Первые два часа водитель не останавливается, упорно едет вперед. Наконец, притормозили, чтобы сходить за горячим; сонная женщина разлила воду в железные кружки, а потом увидела кучу детей в кузове; она достала полбуханки хлеба и раздала каждому по маленькому кусочку.

— Не трать зря, Марья. Еще полпути.

Водитель отдал девушке кружку и полез в кабину. Машина завелась не сразу, солдатик выпрыгнул из машины с большим железным крюком в руках; наконец, они снова тронулись в путь. Еще через полчаса дороги умерла одна из девушек; она была самая худая и какая-то неестественно румяная. Машину тряхнуло, секундой позже девушка закашлялась, из горла пошла кровь, а еще через пять минут она затихла. Водитель наклонился к солдату и сказал шепотом:

— Туберкулезная. Выбрасывай тут, до берега не повезем.

Парень тут же перепрыгнул в кабину и на полном ходу сбросил тело на лед. Машина ехала дальше, не останавливаясь, никто из пассажиров не сказал ни единого слова. Наконец, небо чуть посветлело, впереди показался берег. Люди всматривались в горизонт с надеждой; одна из девушек расплакалась и стала обнимать подругу.

— Людочка, совсем немного осталось, совсем чуть-чуть.

С каждой минутой расстояние до земли становилось все меньше и меньше, и вот последние триста метров. Вдруг машина как будто наткнулась на что-то и резко остановилась, послышался гулкий басовитый треск, правый бок начал проваливаться под лед.

Водитель пытался сдать назад, но тщетно; он повернулся к людям, закричал что-то, потеряв еще полсекунды; а потом рванул из кабины.

— Принимай, Господи!

Часть первая. Анастасия

Я знаю, ты слышишь меня, Отец наш. Столько тысяч лет я чувствую каждую твою мысль, так же, как и ты мою. За все это время мы ни разу не обратились друг к другу; как это сказано у людей — глаза в глаза. Теперь настал тот самый день, я знаю наверняка. Послушай меня, Господь всемогущий, — Твои священные книги давно устарели, и этого уже никак не исправить.

Настало третье тысячелетие с того момента, как родился смелый человек; тот безумец, не испугавшись смерти, Твой любимец. Ты не заметил, но за последние двести лет люди перевернули бытие до основания, они почти открыли основу, они смотрят вдаль и в глубину материи. Еще совсем немного — на свет появится кто-то равный предшественнику, он посмотрит на мир перпендикулярно, и все сложится в очевидную истину. Что скажешь им, когда станет ясна суть, и они познают Тебя, как Ты есть?

Я знаю, почему Ты отослал меня за пределы своих границ; я сеял в души людей сомнение, я дал возможность осознать, что на один и тот же вопрос может быть множество ответов, я заставил их говорить о непознанном. Что, если жизнь — не просто дар Божий,

а что-то гораздо более важное, имеющее свой тайный смысл и происхождение?

Ты хотел, Отец мой, чтобы Твои книги правили вечно; но все напрасно, люди сомневались и думали много тысяч лет, Ты проиграл.

У нас с Тобой много имен. Все они совершенно безлики — что дьявол, что Иегова... и как нас ни назови, великие послания теперь совсем похожи на сказки; во Вселенной нет места для рая и ада, никто не видел в микроскоп следов твоей рукотворной работы. Ты не помнишь человеческих лиц, потому что теперь их слишком много; не заглядываешь в душу, чтобы понять желания и мечты, сомнения и ошибки, Ты меряешь человеческие поступки старой сантиметровой лентой, какие в ходу у любого иудея, много тысяч лет шьющего одежды на продажу. В Твоих песнях почти нет места женщине; даже та единственная не имела права ни на что, кроме материнства; материнство без физической любви — какая нелепая идея пришла Тебе на ум, Отец наш?

Твое затянувшееся молчание всему виной.

Жди, скоро они придут к Тебе; найдут, как управлять Великим Полем, и мы исчезнем, потому что мы и есть часть сути бытия. Когда-то Ты управлял их сознанием под столькими обличьями, десятки веков подряд. Друг мой, тебя интересовал исключительно список дел — что люди совершили и где оступились; об истинных причинах человеческих поступков Ты не думал никогда.

Теперь они на перепутье, ведь самая темная ночь перед рассветом. Они создали новую религию, Ты все пропустил. Великая сказка почти исчезла, остались только заповеди, и больше ничего. Воля Божья — удел ленивых и слабых; но новая догма, созданная человечеством, почти так же уродлива, как кара небесная, что придумана Тойбой вместо лошадиной сбруи. От всех людских заблуждений теперь остался только страх смерти, то единственное, что пока невозможно постичь; оттого они живут здесь и сейчас, ценя удовольствие, успех и земные богатства превыше всего. И только перед уходом каждый пытается забрать с собой ту часть земной жизни, что была для него действительно важной и делала человека по-настоящему счастливым. Я скажу Тебе: сатана не видел ничего прекраснее последних воспоминаний уходящего человека. Кто-то живет весь свой срок, как диктует норма или престиж, и даже не приблизится до себя настоящего, а кто-то знает свои мечты, но боится решиться на собственную жизнь. Перед уходом все видят настоящие моменты счастья, пусть всего один час или несколько лет, одно мгновение, время не важно. Именно это люди стремятся унести с собой в неизвестность.

Да, я чуть не забыл — еще на земле живут те немногие, кто существует в согласии с собой; всю жизнь они растят свое шестое чувство и прислушиваются к движению основы бытия. Их последние воспоминания необъятны, они перелистывают всю свою жизнь от начала до конца в мельчайших деталях.

Вот что скажу Тебе: в мире смертных стало меньше лжи, но не прибавилось больше смысла, и потому я буду писать Новую Книгу. В ней не будет места великим подвигам и бессмысленной смерти ради лживых идей, не будет чудес, каких на самом деле не случается. Там будет пространство и мужчинам, и женщинам. Я буду записывать последние воспоминания человечества, потому что только это имеет значение. Миллионы едва заметных, самых важных для каждого человека событий — есть суть всего. Только это дополнит иссякшее Поле, подпитает его новыми силами и вернется обратно к людям.

Теперь, я буду говорить. Эти жизни прошли мимо тебя, а кто-то из моих героев все еще смотрит в небо по утрам. Не отвечай, я знаю — Ты меня слышишь, разделить единое невозможно. Я хочу, чтобы Ты перелистал эти истории; во множестве событий жизни этих женщин есть что-то, что имеет настоящую ценность. Пусть даже они сами не всегда понимали это, но есть воспоминания, которые уйдут вместе с ними в вечность. Это и есть новая Библия, пусть эта книга будет для всех и для каждого в отдельности. Я хочу, чтобы Ты нашел суть каждой маленькой жизни; я хочу, чтобы Ты наконец понял, счастье человека — и есть смысл бытия. Всего лишь три обычные женщины; послушай и ответь мне, что было самым важным на их жизненном пути. Начни Новую Книгу вместе со мной, пусть это будет первая страница.

Глава 1

В одна тысяча девятьсот восьмом году от Рождества Христова в большом северном городе Санкт-Петербурге родилась девочка Анастасия. Событие произошло в семье зажиточного домовладельца Сергея Тимофеевича Свешникова. Господин Свешников слыл человеком хватким и коммерческим, хоть и без родословной. К тридцати годам он приобрел доходный дом на Петроградской стороне, а также довольно приличную квартиру в весьма престижном месте, с тремя спальнями и большой гостиной, и через год женился на кареглазой девушке Марии. Неожиданно для престарелой маменьки он привез невесту из Бессарабии, куда ездил по делам. Черноволосая красавица родила девочку, похожую на мать, как две капли воды; через пару лет родился мертворожденный мальчик, и больше детей не появилось, к большому сожалению господина Свешникова. Молодая жена обладала веселым нравом и легкостью характера, но еще до появления на свет мертворожденного жаловалась на трудности дыхания и всегда выглядела очень бледной. Доктор отверг самые страшные предположения о чахотке, но установил не менее неприятный диагноз: хроническая пневмония. Все это от перемены климата, надо бы вывезти на воды; так он сказал на прощание, надевая дорогую барашковую шапку.

Анастасия, единственная и обожаемая; отец ни в чем ей не отказывал и выполнял любые желания — самые красивые наряды, самые яркие шляпки и лаковые туфельки, как у взрослой барышни, фарфоровые куклы из французского магазина. Девочка росла очень бойкой и музыкальной; к пяти годам в дом пригласили учителя танцев и купили фортепиано, с тех пор веселью не было конца. Инструмент не замолкал по несколько часов — после обеда детские этюды Черни, к вечеру аккомпанемент веселой мазурки. Жена Сергея Тимофеевича, из-за неимения подруг или каких-либо других отдельных от семьи занятий, принимала в уроках искреннее участие. Каждый вечер за ужином она восхищалась талантами дочери и предсказывала ей будущее великой танцовщицы. Время от времени Мария сама учила дочь народным танцам своей родины, да только на долгий урок ее не хватало — после нескольких па Мария садилась в кресло и шумно вздыхала.

В дом часто приходили гости, в основном друзья главы семьи; кто с женами, кто по-холостяцки. Настю наряжали в красное бессарабское платье, сшитое на заказ по рисунку матери, и громкими овациями приглашали выступить. Девочка танцевала так легко и изящно, как будто летала; озорные крылья всех цветов радуги взмахивали в такт веселой музыке. Весь мир кружился вокруг нее золотым потоком, а потом склонялся в восхищении к прекрасным маленьким

туфелькам, словно каменный лев со Стрелки Васильевского острова. Так она росла в полном благополучии; пусть единственная, но совершенно здоровая, красивая и невероятно живая.

Годы шли, Мария болела; особенно изматывали тяжелые зимние месяцы. Влажная холодность просачивалась с улиц и забирала последние силы; трехнедельные периоды лихорадки сменялись относительным благополучием на месяц-полтора, а потом все начиналось заново. Однако, даже в самые тяжкие минуты она не теряла силы духа; как только Настя открывала дверь в комнату маменьки, ее тут же встречала жизне-радостная улыбка. В тысяча девятьсот шестнадцатом году Сергей Тимофеевич купил дачу в деревне Парголово и решил поселять там семью с мая по сентябрь, в надежде на благоприятный сельский воздух. Действительно, Мария ожила и даже начала совершать пешие прогулки по селу. Утреннее солнце, легкий ветерок; Настя бегала вокруг матери, напевая какой-то смешной мотив. Мама шла медленно, периодически останавливалась передохнуть; иногда присаживалась прямо на траву у обочины. Вокруг бедные крестьянские дома; через дорогу — дачные особняки городских жителей; чистое небо и деревенское солнце, оно намного теплее петербургского. Мария чувствовала, как ее ослабленное тело наполняется силами и желанием жить; она сидела неподвижно на зеленом травяном ковре и думала о дочери. Девочка прыгала рядом

и что-то громко рассказывала, а потом теряла терпение и начинала дергать мать за рукав; надо вставать, идти обратно к обеду.

Настя полюбила Парголово. В любую минуту можно отворить дверь и выскочить во двор, а там и за ворота — позади дороги лес, озеро и поле с одуванчиками. Другие дети из дачных домов выходили только с гувернанткой; чуть на горизонте ватага крестьянских детишек — прилично одетая девушка хватала своих подопечных и тащила обратно в дом. Со Свешниковыми жила только кухарка, на ней висело все хозяйство; Мария выходила за двор не чаще одного раза в день, а отец приезжал только по выходным; Настя быстро нашла друзей и бегала по деревне, как крестьянский ребенок. Она ловила карасей на мелководье; собирала грибы после дождя, играла в городки. В конце дня засыпала быстро, видела шумные цветные сны; и так каждый день, только иногда мимоходом вспоминала свои платья для танцев и звуки фортепиано в большой гостиной. Больше всего она любила, когда к отцу приходили гости.

По возвращении домой расписание изменилось — учитель танцев стал приходить всего два раза в неделю, зато каждый день рано утром приезжала новая гувернантка; она начинала грамоту, арифметику и чтение, рассказывала про древние времена и битву с татарами, читала вслух детскую Библию и даже учила основам французского. Прошел год; в мире что-то

поменялось, стало смутно и печально, приятели отца уже не вызывали ее овациями на танец; они сидели в гостиной мрачные, говорили о чем-то очень серьезном. Отдельные, очень злые слова долетали до детских ушей — революция, временное правительство, большевики, и много чего еще, совершенно непонятного. Из дома теперь выходили совсем мало и только по крайней нужде; в мае тысяча девятьсот семнадцатого года отец снова отвез семью в Парголово. В Петроград они вернулись только через полтора года; за это время город сменил внешность, стал мрачным и грязным. Вокруг было много печальных лиц, даже папа за ужином казался сердитым и отстраненным; Мария, не переставая, кашляла, на высоте приступа лицо ее покрывалось синюшными пятнами, и со стороны казалось, она вот-вот перестанет дышать.

Теперь из-за болезни матери Настя боялась заходить в ее комнату. Вечером кухарка посылала девочку поцеловать Марию на ночь; в пропахшей микстурами спальне жил уродливый гном, он прятался за большим комодом и хотел превратить Настю в настойку против кашля. Слякки стояли в ряд на прикроватном столике и наперебой шептали что-то ужасное, что именно, разобрать было трудно; их было не меньше десятка. А если пройти мимо и не дай бог задеть одну — стекло звонко разбивалось об пол, кухарка бежала с веником и гнала девочку прочь. Ночью снилось, как страшный гном превратил в пахучие